

Был солнечный день.

За оранжевым диваном находилось окно-дверь, через которое проникали солнечные лучи. Под их желтоватым светом все приобрело более светлый оттенок: стол из массивного дерева, растение с пожелтевшими листьями, цвет ее окровавленных ногтей, которыми она постукивала по блокноту.

Рельеф окон проецировал линии теней по диагонали пола и стен, проходимые через жалюзи.

Тени были похожи на тюремные решётки.

Я сел в кресло, набитое пухом, между двумя диванами. Думаю, она была немного удивлена, потому что это было ее место... точнее, она просто всегда там сидела.

Она улыбнулась мне и села на оранжевый диван.

Я разозлился, когда увидел, как она тут же нацарапала несколько строк ручкой, но мне удалось сдержать свои эмоции.

Я не позволял ей — или кому-то еще — влиять на меня.

— Что ты рисуешь?

Я вдруг решил, что хочу уметь использовать обе руки одинаково.

— Я слышала о том, что произошло в понедельник. Не хочешь поговорить об этом?

Я начал с самого простого: почистил зубы левой рукой и поменял способ держать столовые приборы.

— Ты можешь не отвечать сразу. Не торопись.

И она действительно замолчала.

Думаю, поскольку я был ребенком, она ожидала, что молчание покажется мне тягостным, и чтобы я пытался заполнить его любой ценой.

Я почувствовал удовлетворение, когда, перевернув бумагу, чтобы нарисовать на ее обратной стороне, она поняла, что я не собираюсь открывать рот, и потеряла терпение:

— Как ты себя чувствуешь?

Недавно с моей чакрой произошло нечто очень интересное.

— Ты грустишь? — она сделала паузу. — У тебя есть причины для этого.

Я думал, что мне придется изобретать дзюцу методом проб и ошибок, но нет: из ниоткуда появилась книга, похожая на энциклопедию.

— Мы могли бы поговорить о чем-нибудь другом.

Энциклопедия была разделена на пять категорий, каждая из которых относилась к одной из ветвей дзюцу: нин, фуин, буки, ген, тай. Была и шестая категория — «Знания ниндзя».

— Знаешь, мне очень нравится солнце.

Отлично, теперь тебе нужно только письмо о принятии в Винкс, сучка.

— Вода, однако, немного меньше. Не очень приятно чувствовать, как одежда прилипает к коже.

По каждой из пяти дисциплин было представлено только самое основное.

— А тебе нравится вода?

У меня был доступ только к базовой информации и методам обучения.

— Многие, например, не любят дождь.

Идея заключалась в том, что книга откроет следующий уровень в изучаемой дисциплине, как только я выполню все требования.

— У некоторых людей в твоей ситуации могут развиваться фобии. Ты когда-нибудь...

Мой карандаш прошел сквозь бумагу.

— Я не боюсь воды.

Маленькие черные глаза блестели, психолог наклонилась вперед, торжествующе.

— Страх — не совсем подходящее слово, согласна. Возможно, мы могли бы поговорить о беспокойстве...

— Я ни о чем не беспокоюсь.

Энджи стоял за дверью, и мне не о чем было беспокоиться.

Ее глаза поднялись к настенным часам.

— Похоже, наша сессия подходит к концу.

Она снова посмотрела на меня.

— Не хочешь показать мне, что ты нарисовал?

Она сформулировала это как вопрос, но мы оба знали, что это не так. Я протянул ей бумагу, не спуская глаз. Я все равно рисовал только розочки и...

У меня перехватило дыхание.

В центре неровных кругов стоял человек с очень, очень широкими руками. Его левая рука представляла собой дрожащий треугольник, правая — кулак.

У него не было лица.

Терапевт взяла рисунок из моих рук.

Я опустил глаза и послушно сел обратно в кресло.

Я спрятал дрожащие руки между бедер, наблюдая за психиатром под ресницами.

Она встретила мой взгляд поверх черновика и улыбнулась.

Если мой рисунок и насторожил ее, она этого не показала.

— Ну, думаю, наши следующие сеансы рисования не будут лишними.

Она была отвратительна, ее глаза щурились, как и морщинистый рот.

Я кивнул. Она встала и, обойдя диван, направилась к двери. Я наблюдал за ней краем глаза и встал за ней.

Она открыла дверь.

Энджи, сидевший на одном из мягких кресел в комнате ожидания, быстро встал.

Он положил газету и карандаш на покрытый другими газетами стол, а затем подошел к нам.

Он пристально посмотрел на меня, а затем повернулся к психологу.

— Господин Тодороки, можно вас на минутку в мой кабинет?

Он кивнул.

— Шото-кун, не мог бы ты подождать на том диване? Это не займет много времени.

Я посмотрела на Энджи. Подбородком он жестом показал, что мне пора идти.

Обернувшись, я встретил пристальный взгляд психолога за золотой оправой. Она приподняла пальцем свои очки.

Она снова улыбнулась, и ее лицо сжалось, как у плачущего ребенка.

— Мы оставим дверь открытой, не волнуйся.

Я хотел сказать ей, чтобы она шла к черту, но это дало бы ей слишком много пищи для размышлений. Они закрыли за мной дверь, оставив щель, тонкую, как прядь волос.

Я пошел стоять у растения, как послушный ребенок, которым я притворялся.

Длинные листья царапали мне лицо. Я отталкивал их одной рукой, чувствуя, как растет мое раздражение. Они снова набросились на меня.

Я огляделся. Никого.

Я поднял левую руку и превратил их в пепел.

...

Харука Маки была лучшей в своей области.

Именно поэтому Энджи Тодороки выбрал ее, а не кого-то другого, чтобы помочь своему сыну. Он заплатил кучу денег, чтобы провести сеанс как можно скорее после инцидента. Если она сможет помочь Шото, Энджи был готов финансировать ее пенсию на Мальдивах.

— Господин Тодороки, спасибо, что лично пришли на эту специальную сессию.

Она улыбнулась.

— Я знаю, как ценно ваше время, поэтому перейду сразу к делу: вашему сыну нездоровится, и он отказывается сказать, почему.

Энджи почувствовал необходимость защитить своего младшего ребенка.

— Он всегда был молчаливым.

Улыбка Маки стала снисходительной.

— Я могу себе это представить, господин Тодороки, но я имею в виду, что он даже не смотрел мне в глаза, за исключением приветствий, когда мы были в вашем присутствии. За сорок пять минут я смогла привлечь его внимание только тогда, когда спросил, не боится ли он воды.

Энджи был ошеломлен.

— Вы думаете у него развилась гидрофобия?

— Я еще не уверена, но пока не исключаю этого. Я хотела бы знать, когда вы дома, у него есть проблемы с принятием душа? Или с мытьем рук?

Энджи потратил несколько секунд на то, чтобы вспомнить последние три дня: больница, второй нервный срыв старшего сына и затишье младшего — неделя была полна событий.

— Он отказывается пускать кого-либо в ванную, когда он там, так что я не знаю.

Он нахмурился.

— Но он попросил меня стоять за дверью, чтобы я был в это время на расстоянии вытянутой руки, и я помню, как слышал звук льющейся воды.

Терапевт поджала губы и зачеркнула строчку в своем блокноте.

— Вы не замечали ничего необычного в поведении Шото в последнее время?

— Он стал тише, чем обычно, но он никогда не был очень болтливым, — Энджи сделал секунду перерыв. — Он стал чаще играть на заднем дворе и отказывается спать один.

— Вы имеете в виду, что он спит с вами и вашей женой, верно? — кивнула психолог. — А раньше он часто спал с вами?

— Нет, не часто, но он привык спать со мной, когда я прихожу с работы.

— Хм.

Она снова что-то написала.

— Если я не ошибаюсь, именно вы нашли Тойю и Шото в ванной. Не могли бы вы описать сцену?

— На полу было больше воды, чем в ванне. Коврик для душа был опрокинут, и пена перелилась через край.

Маки сложились пополам над своей тетрадью.

— Что вы почувствовали?

<http://tl.rulate.ru/book/98857/3702842>